

A.B. ТУМАНОВА

КАЗАХИЗМЫ КАК ПОКАЗАТЕЛИ КОНТАМИНИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА

Вопрос об использовании этнолексики в художественном дискурсе представлен достаточно широко в научной литературе, тем не менее он остается актуальным и по сей день. Употребление этнолексики можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, в аспекте ее функционирования в русском художественном тексте писателя русской национальности, во-вторых, в билингвистическом тексте писателя нерусской национальности. В данной статье заостряется внимание на втором аспекте.

Традиционно вся нерусская лексика является иноязычной. Однако, уточняя статус иноязычных и национальных элементов в билингвистическом художественном тексте, национальной считается лексика того языка, который является для писателя родным. В нашем случае – это казахская лексика. Иноязычной признается лексика, которая не выступает как исконная ни для русского, ни для казахского языков. (например, слова тюркского происхождения: *хан*, *тархан*, *халиф* и др.). Термин «национальная лексика» по сути своей этнолингвистичен; он используется исследователем билингвизма, рассуждающего с позиции одного из двух взаимодействующих языков.

Целью статьи является попытка проследить функционирование казахизмов в русскоязычном художественном тексте и установить специфику их употребления писателем-билингвом (фактическим материалом послужили фрагменты из художественных произведений современных писателей-билингвов Казахстана: А. Алимжанова, С. Санбаяева, Б. Джандарбекова, А. Жаксылыкова).

В художественном дискурсе писателя-билингва статусом собственно национальных единиц обладают казахизмы – слова казахского языка, не зафиксированные в толковых словарях русского языка, не освоенные русским языком. По отношению к обозначаемому национальную лексику такого рода можно определить, во-первых, как лексику, связанную с обозначением реалий и понятий, не имеющих аналогий в жизни другого народа (в нашем случае – русского); во-вторых, как лексику, обладающую национальным компонентом значения, который характеризует специфически национальные реалии, понятия. В том и другом случае речь идет об экзотической лексике, источником которой выступает казахский язык.

В нашем понимании, национальный компонент значения – это сема, или соединение сем в

пределах семемы соответствующей лексемы. Первая группа лексики может быть отнесена к собственно безэквивалентной; вторая – к условно или частично безэквивалентной. Но и та и другая категория языковых единиц несет на себе дополнительную к семантике фоновую информацию национального характера, связанную с инонациональной картиной мира.

Первый тип фоновой информации представлен безэквивалентными единицами: *жуз* – «родоплеменное деление казахов (старший, средний, младший)»; *джут* – «массовый падеж скота от бескормицы в суровую зиму», *жайляу* – «место для выпаса скота», *шанырак* – «деревянный купол, свод юрты, очаг, семья» и многими другими [1, с. 155; 131; 295]. Например:

Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного **джута**. **Джут** помог джунгарам осилить Казахию. Стон несся по всей казахской земле от Алтая до Едия. Умирала великая Казахия (Алимжанов, Гонец) [2, с. 7];

Облачками забели юрты, разбрелись по необъятному **жайляу** стада овец и верблюдов. Смутный, непрерывный, волнующий шум весенней жизни не смолкал ни днем ни ночью (Санбаев, Белая аруана) [3, с. 23];

И чашки чаю для меня жалко... Разве **шанырак** моего дома обрушился в пыль?! Или меня уже нет на этом свете? (Жаксылыков, Шаг на встречу) [4, с. 53].

В отдельных случаях наблюдаем проявление фоновой информации на уровне семемы многозначного слова. Например, в русском языке имеется заимствованное слово *бай*, однако в лексической системе русского языка данная лексема освоена лишь с семемой, выражющей обобщенное значение «богач». В текстах же А. Алимжанова тюркизм *бай* реализует семему «определенная социальная прослойка класса феодалов, не имеющая наследственных пожалованных титулов», связанная со специализированным содержанием, которое выявляется в составе цепочки видовых наименований. Ср.: По Дарханным грамотам Жангира **бай**, султаны, ходжи отняли пастбища бедных. Разорены аулы, люди лишены земли и кровя – слова Исатая звучали как удары хлыста (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 48].

Лексика русскоязычного художественного текста системно организована. Исследование показывает, что самые важные для жизнедеятель-

ности народа сферы – «Человек», «Вещный мир», «Природа» - в художественном дискурсе писателей-билингвов включают ряды национальных наименований – выразителей фоновой информации художественного дискурса в целом. Остановимся на их характеристистике.

В семантической сфере «Человек» выделяются такие тематические группы лексики, как, например: наименование социально-политических явлений (*ак-суек, жатак, кедей, бишара* и др.); наименования лиц по отношению к выполняемым воинским обязанностям (*нукер, туленгут сарбаз* и др.); наименования лиц по родственным отношениям (*коныратовцы, теке аже, женеше* и др.); наименования лиц по возрасту и др. (*ага, ата, ана, апке, коке* и др.).

В научной литературе подробно описан лексический состав, проведен анализ подобных тематических групп и даны толкования актуальных значений, сопровождаемые этнолингвистическими комментариями в трудах Х.Х. Махмудова, М.М. Копыленко, З.К. Ахметжановой, С.А. Диканбаевой, Ш.К. Жаркынбековой, А.Е. Карлинского, Б. Хасанова, Г.Г. Гиздатова, С.У. Таукеева и др. Однако цели и задачи у этих исследователей были иными в сравнении с нашими и рассматривались они с иных теоретических позиций. Так, в художественном дискурсе писателей-билингвов к группе наименований, обозначающих лиц по социальной принадлежности, относятся лексические единицы такого типа, как *кара, кедей, жатак, бишара*. Даные казахизмы, естественно, не отмечены в толковых словарях русского языка. Отражая специфику социальных отношений в казахском обществе, они содержат национальную коннотацию, выражющую отношение казахов к беднякам, а в ряде случаев национальный компонент значения и специализированное безаналоговое значение. Так, слово *кара* в переводе с казахского языка означает «чернь»; *кедей* – «бедняк». Значение лексической единицы *жатак* у?же, чем значения казахизмов *кара* и *кедей*, если основываться на данных толкового словаря казахского языка, *жатак* – «бедняк, который не кочует из-за отсутствия скота» [1, с. 168; 142]. Писатели-билингвы умело используют данные языковые единицы соответственно их значениям. Ср.:

Тысячи **жатаков** были согнаны в урочище. Караваны верблюдов, конные обозы доставляли в Жаскус лес и мрамор (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 37];

Они спустились с бархана и внизу встретили двух стариков из ближайшего аула **жатаков** (Санбаев, Дорога только одна) [3, с. 343].

Художники слова – казахи-билингвы нередко обращались в своих произведениях к историческому прошлому казахского народа. Этим мотивирован национальный колорит в их языковой личности как творцов и создателей художественного дискурса. Эти же причины лежат в основе широкого включения в их текстовую продукцию названий воинских званий и различных видов оружия. Это не случайно, поскольку в прошлом казахский народ вел полувоенный, кочевой образ жизни. Как правило, каждый джигит должен был иметь боевого коня и обязательно личное оружие для того, чтобы в любой момент защитить свой аул, родных и близких от внутренних и внешних врагов. Казахский народ считался непобедимым, об этом говорят исторические документы, отдельные сведения из которых искусно вплетаются в речь повествователя. Вполне закономерно бытование в русскоязычном художественном дискурсе художника слова-билингва различных синонимов на военную тематику. Так, помимо основного слова *сарбаз*, эквивалента слову *воин*, в авторское повествование введены слова *нукеры* (дружинники), *туленгуты* (личная охрана хана или султана, которая, в отличие от нукеров, состояла из наиболее бедных и зависимых людей племени) [1, с. 268; 253]. Сравним, например, у А. Алимжанова:

Махамбет больше не увидел ни Шернияза, ни Курмангазы. Он попал в общий поток последней сотни *сарбазов*, стремительно покидавшей поле боя. Сдерживая корноухого, Махамбет, привстав на стременах, искал братьев – Ису и Мусу (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 154];

Пятьсот **туленгутов*** неусыпно следили за строителями... . В сноске указывается: * Туленгуты – личная дружина хана или султана, составленная из наиболее бедных и зависимых людей племени (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 37];

Только безымянным гонцам известно, где притаился уцелевший аул, где спрятаны спасенные от угона за джунгарские горы табуны султанов Великого жуза или где, в скольких переходах от Алтынколя, находятся ополоченцы найманов и сколько сотен осталось **нукеров*** Болат хана. В сноске отмечается: *Дружинники (Алимжанов, Гонец) [2, с. 9].

Слова-вкрапления, называющие различные виды оружия, приводятся так же, как вышеописанные слова в сносках и без них. Например, в исторических произведениях писателей встречаются такие названия различных видов оружия казахского народа, как *акинак, чембур, алдаспаны, мултыки, корала, корамса, семсер, соилы* и др. Ср.:

Кумар снял винтовку с плеча и молча взял **чембур** из рук Махамбета (Санбаев Дорога только одна) [3, с. 351];

Это Алтай, сидя у порога оттачивал шестигранные **корала***. Возле него лежало несколько связок. В каждой из них, крепко стянутой ремнем, было по сотне стрел. Алтай развязывал их, проверял остроту наконечников и рассовал по **корамса****. В сносках соответственно отмечается: *Дальнебойные стрелы. **Казахские колчаны (Алимжанов, Гонец) [2, с. 38].

Следует отметить, что некоторые из названных видов оружия (*секира, корала, корамса* и др.) известны еще со времен правления царицы саков Томириис, то есть более тридцати веков назад.

В семантической сфере «Человек» для экспликации национальной ЯКМ эти же писатели широко используют такие тематические группы, как «наименования лиц по родственным отношениям», «наименования лиц по возрасту» и др. Свободно и естественно, не нарушая авторское повествование, в художественном дискурсе писателя-билингва функционируют казахизмы: *аксакал, джигит, палуан, бала, батыр, ата, аже, ата, ага, коке, апке, женеше, байшие; адаевцы, коньратовцы, шектинцы, тазы, теке* и др. Особенno часто данные реалии используются в прямой речи, несобственно-прямой и авторской речи – в форме слов- обращений, или просто в наименованиях того или иного лица без комментариев и перевода, исключая отдельные случаи. Например:

Шел пятый месяц войны, когда от сарбаза к сарбазу, от сотни ополченцев к другой сотне пошла весть о храбром и прямом **батыре** Жанатае... (Алимжанов, Гонец) [2, с. 36];

Толпа одобрительно загудела. Не мешкая, **джигиты** принялись за дело. Не остались в стороне и **аксакалы**. Вдруг, яростно плонув на землю, вперед выскоцил Садык-ата. Он хлестнул камчой о сапоги и закричал дребезжащим от гнева голосом...; Мы поставим нашей **женгей** новый дом, лучше прежнего. В нем ей дышать и житься будет по-новому (Жаксылыков, Окно в степь) [4, с. 33, 39];

Никто даже из взрослых джигитов не смел перечить Акану, а старики уважительно называли **палуаном***. В сноске отмечается: *Палуан – богатырь (каз.) (Жаксылыков, Окно в степь) [4, с. 12].

Анализ лексических единиц, составляющих семантическую сферу «Человек», показал, что тематические группы, включающие наименования лиц и реалий по различным признакам, «покрывают» значимую для осмыслиения национальных традиций часть референтивного пространства казахской жизни, истории, культуры.

Писатель-билингв осмысливает закономерности развития истории с позиций мировоззрения своего народа и человека из народа, обладающего знанием собственной национальной КМ. В сущности, в этом и заключается роль данной семантической сферы в художественном тексте русскоязычного писателя.

Семантическая сфера «Вещный мир» представлена такими тематическими группами, как наименования посуды, одежды, пищи и т.д. Фактор «действительность» стимулирует отбор единиц, отражающих быт, культуру казахского народа. Выделяются следующие тематические группы: наименования посуды, домашней утвари (*бурдюк, каз-моин, саба, торсык* и др.); наименования одежды (*жасулык, жаргак, кебис, маси, пайпак* и др.); наименования пищи (*кумыс, талкан, айран, курт, кара-коже* и др.). Как известно, Казахи-кочевники издавна пользовались удобной посудой, соответствующей специфике походной жизни народа, связанной с различными по времени переездами, с разными сезонными, погодными и температурными условиями. Отсюда и разнообразие наименований посуды, предназначенной для хранения пищи, напитков: *курджун, торсык, саба, каз-моин* и др.

Среди них особый интерес представляет лексика, обозначающая способ изготовления данной посуды. С учетом специфики жизни кочевого народа и его быта вся посуда в основном изготавливается из сыроймятной кожи. Обратим внимание на национальные компоненты значений указанных слов, которые приводят и сами создатели художественных дискурсов, демонстрируя не просто знание истории своего народа, но и принадлежность к нему как носителей национальной культуры и национального менталитета: *курджун* – «мешок из ковровой ткани или из шерсти»; *торсык* – «мешок из козлиной шкуры для хранения пищи, напитков»; *саба* – «кожаный мешок для хранения кумыса»; *каз-моин* – «узкий кожаный мешок с теснением» и др. [1, с. 216; 278; 191]. Например:

Сарбазы, ведавшие припасами, наполнили **каз-моин** самым свежим весенним кумысом (Алимжанов, Гонец) [2, с. 38];

Б **турсыках** шипел и пенился взбивающий кумыс, в огромный **бурдюках** переливалось охлажденное кислое молоко, в кувшинах благоухало ароматное вино, наплывал резкий запах просяной бузы (Джандарбеков, Томириис) [5, с. 236].

Как видим, в приведенных казахизмах дифференциальные семы указывают на специфику изготовления и использования посуды, мотивированную специфическими же условиями жиз-

ни кочевого народа. Интересно отметить, что у русского народа любой мешок – это предмет, но не посуда, т.е. в понятие *посуда* входит эмпирический смысл «изготовленная из стекла, глины, чугуна, жести», но не из кожи, что также отражает этнокультурные коннотации семантики.

Второй тип фоновой информации проявляется на уровне семного состава и национально специфической части значения подобных слов в художественном дискурсе. Например:

Аксакалы аула суетились, каждый старался показать свою щедрость – откуда-то тащили огромный **тай-казан**, уже дымилась кровь жеребца, прирезанного, чтобы угостить сарбазов (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 71]. Лексеме *тай-казан* соответствует русский аналог *котел*. Однако колоритообразующей здесь выступает специфическая часть значения – «котел, в котором вариат мясо целого жеребенка», свойственная именно культурным традициям казахского народа.

Отбор лексических единиц, составляющих тематическую группу «наименования одежды и обуви», целиком обусловлен внешним фактором - традиционным бытом казахского народа. В исследуемых russkoyazychnых текстах нами обнаружено более 20 наименований одежды и обуви: *саптама*, *пайпак*, *кебис*, *маси*, *чарықи*; *чапан*, *жаргак*, *камзол*, *малахай*, *жсаулык* и др. Есть наименования одежды и обуви, имеющие эквиваленты в русском языке, но при совпадении эквивалентных сем по основным семам в таких лексемах возможны случаи различий по периферийным семам. Например: *саптама* – ‘национальные мужские сапоги с длинными голенищами из замши’; *пайпак* – ‘подобие чулок, стеганных из войлока’; *кебис* – ‘кошаные галоши на каблуках’ и др. [1, с. 286; 168]. Обратим внимание на семную структуру данных казахизмов, в которых дифференциальные семы «кошаные», «из замши», «из войлока» указывают на специфику изготовления того или иного вида обуви, а также материал, служивший для изготовления. Наименования одежды широко представлены в собственно авторской речи, что выказывает заинтересованное лицо писателя-билингва – носителя национальной ЯКМ и национального менталитета. Описание же национальной одежды персонажей при этом представлены в художественном повествовании как в структуре предложения, так и в сносках. Приведем следующие примеры:

В стороне стоял Ноян. На нем были новые штаны из **жаргака** – **шкуры жеребенка**, отороченные серебряными нитками (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 56];

На нем (пожилом сарбазе – уточнение наше.) был простой чекмень охотника-горца, и у него не было оружия, кроме кривого ножа в кожаном

чехле на поясе. Он сидел, подобрав ноги, обутые в старые **саптама***. В сноске указывается: *Сапоги с длинными голенищами (Алимжанов, Гонец) [2, с. 29];

После длительного, утомившего ее намаза, совершив омовение, Тани надела на новые, льющие к ногам **маси** калоши, облачилась в ослепительно белый, хрустящий блестками **жаулык** и, величественная, торжественная, приковывая к себе почтительные взгляды аулчан, отправилась к дому Сакена (Жаксылыков, Шаг навстречу) [4, с. 50];

Анализ языковых единиц данной группы позволяет нам утверждать, что все виды верхней одежды и обуви изготовлены из доступного материала – кожи, меха. В этом проявляется национальная специфика образа жизни и основного источника жизни кочевого народа – скотоводства.

Соответственно национально-культурным традициям посуда, музыкальные предметы, пища также изготавливались из подручного материала (внутренности животных, дерево, камыш, пшено, молоко и др.), о чем свидетельствуют вставки-сноски при описании некоторых музыкальных инструментов в структуре художественного дискурса, домашней утвари и пищи (например, *жетышек* – семь кишок). Ср.:

В первый же день Махамбет увидел Макбал, вместе с которой провел детство. Она стала едва ли не самой красивой девушкой в ауле. Вечером он снова встретил ее у качелей возле костра. Она сидела в кругу подруг и играла на **жетышке***. В сноске приводится следующая информация: *Жетышек – казахский национальный музыкальный инструмент, напоминающий арфу (Алимжанов, Стрела Махамбета) [2, с. 39] и др.

Семантическая сфера «Природа» включает наименования флоры и фауны; наименования объектов, явлений природы и климатических условий степного края; наименования реалий, связанных с основным видом деятельности – животноводством и др. Данная тематическая группа очень широко представлена в художественных произведениях писателей-билингва Казахстана, поэтому ее описание выходит за пределы настоящей статьи [6].

Итак, результаты анализа функционирования казахизмов и тюркизмов в russkoyazychnom художественном дискурсе позволяют говорить о передаче ими фоновой информации, отражающей национальное мировидение, мировосприятие, мировоззрение писателя-билингва (в нашем случае писателя-казаха). Тем самым данный этимологический слой лексики является показателем особой, контаминированной (негомогенной по своей природе) языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Махмудов Х., Мусабаев Т.* Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1988. - 442 с.
2. *Алимжанов А.* Гонец. Стрела Махамбета // Степное эхо: Романы. Алма-Ата: Жалын, 1983. - 548 с.
3. *Санбаев С.* Белая аруана. Дорога только одна // Повести и романы. – М.: Молодая гвардия, 1974. - 429 с.
4. *Жаксылыков А.* Шаг навстречу // Окно в степь: Повести и рассказы. –Алма-Ата: Жалын, 1987. - 128 с.
5. *Джандарбеков Б.* Томирис: Историческая повесть. – Алма-Ата: Жалын, 1982. - 288 с.
6. *Туманова А.Б.* Языковая картина мира писателя-билингва в художественном дискурсе писателя-билин-

гва: Дисс. на соискание уч. степ. доктора филол. наук. – Алматы, 2008. – 245 с.

Резюме

Билингв-жазушылардың көркем шығармаларындағы казахизм сөздерге контаминацияланған дүниенің тілдік бейнесінің көрсеткіші ретінде талдау жасалған.

Summary

This article is devoted to analyze ethnoses words as indicators of the contaminating linguistic picture of the world of a writer-bilingua.